

Священномученик Иларион (Троицкий)

Священное Писание и Церковь священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский

У Церкви нет скрижалей, на которых были бы начертаны письмена Божественным перстом. Церковь имеет Священное Писание, но Тот, Кто создал Церковь, ничего не писал. Лишь однажды сказано о Христе в евангелии Иоанна, что Он, низко наклонившись, писал, но и в этот раз Христос писал перстом и писал на земле. Да может быть и не писал каких-нибудь слов, а лишь чертил перстом по направлению к земле. И однако же Церковь имеет Писание, которое она называет Священным, Божественным.

Христос не писал... Думается, если в достаточной мере поразмыслить над этим фактом, то можно уяснить себе отчасти самую сущность дела Христова. Другие религиозные вожди человечества, основатели различных школ философских, обыкновенно писали и много, и охотно, а Христос ничего не писал. Не значит ли это, что дело Христово, по существу своему, совсем не то, что дело каких-нибудь философов, учителей, передовых представителей умственной жизни человечества?

Да и сама Церковь, разве смотрела она на своего Основателя, как на одного из учителей человечества? Разве усматривала она в Его учении существо Его дела? Нет, христианская Церковь с величайшим напряжением своих богословских сил отстаивала ту великую религиозную истину, что Христос есть воплотившийся на земле Единородный Сын Божий, Единосущный Богу Отцу. За эту истину подвизались до крови величайшие отцы Церкви. В борьбе за эту истину были они непреклонны.

Здесь они не уступали врагам ни одной пяди, в буквальном смысле ни одной иоты, которой в греческом языке подобосущный отличается от Единосущного.

«Называющие ариан христианами находятся в великом и крайнем заблуждении» – писал св. Афанасий Великий¹. Так определенно мыслил сей адамант православия о невозможности быть христианином, отрицая воплощение Сына Божия, Единосущного Богу Отцу.

Но неужели воплощение Единородного Сына Божия нужно было

лишь для того, чтобы написать и вручить человечеству какую-нибудь книгу? Нужно ли быть непременно Единородным Сыном Божиим для написания книги? И если Церковь так настаивала именно на Божественном достоинстве своего Основателя, она, очевидно, не в писании усматривала сущность Его дела. Воплощение Сына Божия нужно было для *спасения* человечества, а не для написания книги.

Никакая книга спасти человечество не могла и не может. Христос не есть *Учитель*, а именно *Спаситель* человечества. Нужно было возродить истлевшее грехом естество человеческое и начало этому возрождению положено было *самым воплощением* Сына Божия, а не Его учением, не книгой Нового Завета.

Эта истина со всей решительностью высказана была церковными богословами еще во втором веке. Как известно, начиная с половины второго века, Маркион и его последователи проводили резкое различие между Ветхим и Новым заветом. Учили даже, что два Завета от разных богов ведут свое начало. Новый завет, следовательно, по их мнению, содержит в себе именно *новое учение*, прямо противоположное учению ветхозаветному, а потому его и отменяющее.

Но Сам Христос и Апостолы, и Церковь с самого начала признавали ветхозаветное писание в качестве авторитета. Учение Маркиона немедленно встретило себе надлежащий отпор со стороны церковных писателей. В полемике против Маркиона богословы второго века подробно раскрывали, что новый завет ветхого не отменяет; наоборот, весь Новый Завет уже предсказан в Ветхом. «Пророки знали новый завет и возвещали его» ². «Читайте, – пишет св. Ириней Лионский, – внимательнее данное нам Апостолами Евангелие и читайте внимательнее пророков, и вы найдете, что вся деятельность, все учение и все страдание Господа нашего предсказано ими» ³.

Следовательно, в смысле учения Новый завет ничего нового, по существу, *совершенно нового*, не дает. Кто склонен был смотреть на Христа больше как на Учителя, конечно, несколько смущался такими рассуждениями и теми выводами, которые из них напрашиваются сами собой. Но величайший богослов второго века, св. Ириней Лионский, «умощенный, по словам св. Епифания Кипрского, небесными дарованиями истинной веры и ведения» ⁴, рассеивает это смущение. Он именно и обращает внимание на то, что не новое учение составляет цель и сущность Христова пришествия. «Если, – пишет он, – у вас возникнет такая мысль и скажете: что же нового принес Господь пришествием Своим?

То знайте, что Он принес *все новое тем, что принес Себя Самого и*

тем обновил и оживотворил человека ⁵. Обновление человечества, следовательно, есть плод самого пришествия, самого воплощения Сына Божия. Эту мысль особенно ярко выразил св. Отец в недавно открытом произведении «Доказательство апостольской проповеди» (гл. 99). «Другие не придают никакого значения снисхождению Сына Божия и домостроительству Его воплощения, которое апостолы возвестили и пророки предсказали, что *чрез это должно осуществиться совершенство нашего человечества*. И такие должны быть причислены к маловерам».

Итак, совершенство нашего человечества, по учению св. Иринея, должно осуществиться именно домостроительством воплощения Сына Божия, а не каким-нибудь учением, не написанием какой-нибудь книги. Своим воплощением и вочеловечением Сын Божий, Второе Лицо св. Троицы, сделал людей участниками Божественного естества. Восприняв человечество в единство Своей Ипостаси, Сын Божий, воплотившийся, стал новым Адамом, родоначальником нового человечества. «По образу и по подобию истлевша преступлением, видево Иисус, преклонив небеса сниде и вселися во утробу девственную неизменно, да в ней истлевшаго Адама обновить» ⁶.

«Сын всевышнего стал сыном человеческим, чтобы человек сделался сыном Божиим» ⁷, – говорит св. Иринея. В новом человечестве, которое зиждется на основе воплощения Сына Божия, восстанавливается единство естества человеческого, единство, разрушенное грехом. Это новое человечество Сам Христос наименовал *Церковью*. В 16-й главе евангелия по Матфею мы читаем о том, как ап. Петр от лица всех апостолов исповедал истину воплощения Единородного Сына Божия.

И Христос ответил Петру: "На этом камне (очевидно, на воплощении, на том, что Он – Сын Бога живого) Я создам Церковь Мою и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 16–18). А разлучаясь и прощаясь со Своими учениками. Христос обетовал им иного Утешителя – Духа Святого, который будет наставлять их, будет вести ко всякой истине и который пребудет с ними во век (Ин. 14, 16–17, 15:26, 16:13). Об этом-то Духе Святом и говорится постоянно в Священном Писании, что Он оживляет Церковь, которая есть тело Христово. В членах Церкви живет Дух Божий (Рим. 8, 9, 11, 23, 26; 2Тим. 1, 14, 1Петр. 4, 14), который их водит (Рим. 8, 14).

Дух Св. есть единый источник всех духовных даров, которыми наделены члены Церкви (1Кор. 12, 4–11). Церковь и вся как целое и в отдельных своих членах живет, мыслит и преуспевает в совершенстве руководимая Духом Святым. Отдельный человек лишь по связи с

Церковью получает все необходимые для своего нравственного пересозидания силы.

Вот как и Священное Писание и разум Церкви заставляют нас представлять себе смысл и сущность дела Христова. Дело Христово – создание Церкви, нового человечества. Понимаемое так дело Христово действительно становится исключительным; оно безмерно возвышается над всяким делом человеческим. Так часто теперь в языческой литературе, в буддизме и в Талмуде, в Вавилоне и в Египте находят параллели к учению Христа.

Но кто смотрит на Христа как на воплотившегося Сына Божия, для того всевозможные речи об исторических «влияниях» на христианство не имеют ни малейшего смысла. Сущность Христова дела не в учении, а потому явная бессмыслица и даже кощунство ставить Христа в разряд *учителей* -мудрецов вместе с Буддой, Конфуцием, Сократом и др. Христос сделал человечество причастным естества Божественного, влил в человеческое естество новые благодатные силы, создал Церковь, ниспослал Духа Святого. Всего этого ни один мудрец – человек сделать не мог, какие бы высокие истины он ни проповедывал, какие бы умные и великие книги он ни писал.

«Наш неизменный Колумб всех открытых Америк» (как метко назвал Льва Толстого В.С. Соловьев) в предисловии к женевскому изданию «Краткого изложения Евангелия» писал: «Я смотрю на христианство, как на учение, дающее смысл жизни... а потому для меня совершенно все равно: Бог или не Бог был Иисус Христос» (стр. 9–11). Но Церковь понимала, что посмотреть так на христианство значит, – свести его к полному ничто. Мало указать человеку смысл жизни. Нужно дать ему силы для жизни. Нужно пересоздание самого человека. Человечество спасается только воплощением Сына Божия и Его созданием – Церковью.

Указанное в общих чертах церковное понимание дела Христова и должно служить единственным исходным пунктом для всяких наших рассуждений о Священном Писании.

Христос не писал... Он и приходил на землю вовсе не за тем, чтобы писать. Сущность дела Его не учение, не написание книги, например, полного курса христианской догматики. Нет, Его дело – не книжное.

Но если это так, то что же тогда такое Священное Писание?

Христос создал Церковь. Церковь существовала и тогда, когда ни одной книги Священного Писания Нового Завета еще не было. Ведь книги Нового Завета написаны апостолами уже после, в течение более нежели полустолетия от начала исторического бытия Церкви. В написанных ими

книгах апостолы оставили памятники своего устного благовествования. Писали они для Церкви уже существующей, и книги свои Церкви вручили для вечного назидания.

Очевидно, книги Священного Писания не составляют сущности христианства, потому что самое христианство не есть учение, а есть именно *новая жизнь*, создаваемая в человечестве Духом Святым на основе воплощения Сына Божия. А потому не будет дерзостью сказать, что не Священным Писанием, как книгой, спасается человек, а благодатию Духа Святого, живущего в Церкви. Церковь ведет людей к совершенству. У Церкви есть и иные пути, и иные средства для этого, кроме книг Священного Писания. Св. Ириной Лионской пишет: «Многие племена варваров, верующих во Христа, имеют спасение свое, без хартии или чернил написанное в сердцах своих Духом, и тщательно сохраняют древнее предание. Принявшие эту веру без письмени суть варвары относительно нашего языка, но в отношении учения, нрава и образа жизни они по вере своей весьма мудры и угождают Богу, живя во всякой правде, чистоте и мудрости»⁸.

Чтобы сделаться последователем какой-нибудь определенной философской школы, нужно усвоить философские труды родоначальника этой школы. А достаточно ли знать Новый Завет, чтобы сделаться христианином? Достаточно ли этого знания для спасения? Конечно, нет. Можно знать наизусть весь Новый Завет, можно в совершенстве знать всю новозаветную науку и однако быть очень и очень далеким от спасения.

Для спасения необходимо *приложиться* к Церкви, как и в книге деяний апостольских сказано, что спасающиеся прилагались к Церкви (Деян. 2, 47, 5:13–14). Это было тогда, когда Писания не было, но была Церковь и были спасающиеся. Почему же необходимо было прилагаться к Церкви? Да потому, что для спасения нужны особые благодатные силы, а силы эти можно иметь лишь тому, кто причастен к жизни церковной, к жизни единого и неразделимого тела Христова.

Благодатная сила Духа Святого действует в Церкви многообразно: в таинствах и священнодействиях Церкви, в общей молитве и общей любви, в церковных служениях; как богодухновенное Слово Божие действует она и чрез книги Священного Писания. Здесь мы подходим к определению Священного Писания. Книги Священного Писания – одно из средств, чрез которые в Церкви действует на людей благодатная сила Божия. Дух Божий оживляет только тело Церкви, а потому и Священное Писание может иметь смысл и значение только в Церкви. «Должно прибегать к Церкви и воспитываться в ее недре и питаться Господними Писаниями. Ибо Церковь

насаждена как рай в этом мире. Посему «от всякого дерева райского можешь вкушать», – говорит Дух Божий, т. е. вкушайте от всякого Писания Господня»⁹.

Итак, Священное Писание – одно из проявлений общей благодатной жизни Церкви. Оно – имущество церковное, драгоценное и бесценное, но имущество именно церковное. Священное Писание нельзя отрывать от общей жизни церковной. Только Церковь дает смысл существованию Писания. Священное Писание не есть самостоятельная величина; его нельзя считать данным для Церкви законом, который она может исполнять и от которого она может отступать. Священное Писание явилось в недрах Церкви и ради Церкви. Церковь владеет Писанием и употребляет его на пользу своих членов.

Наши православные храмы, думается, наглядно проповедают о значении Писания в Церкви. Евангелие у нас лежит на престоле вместе с прочими священными принадлежностями богослужения, вместе с «запасными дарами», с «преждеосвященными агнцами». «Апостол» же хранится вместе с другими богослужебными книгами. А в древней Церкви и Евангелие обычно хранилось в скевофилакирионе, приблизительно в нашей ризнице, откуда выносилось только для всенародного чтения за богослужением. Если бы христианство было чем-то вроде философской школы, то в наших собраниях церковных мы, конечно, занимались бы только изучением и истолкованием Нового Завета; но у нас этого нет. Христианство не школа, и чтение Священного Писания представляет у нас лишь одну из стихий общественного богослужения. В полноводной реке благодатной жизни церковной Священное Писание лишь одна струя.

Подобные рассуждения могут показаться как бы принижающими Священное Писание. Но кто более Златоуста говорил о пользе и о величии св. Писания? Не он ли называл чтение Писания собеседованием с Богом? Не для него ли божественные Писания были духовным лугом и раем сладости¹⁰? Но весьма замечательные рассуждения находим мы у св. Иоанна Златоуста в начале толкования на святого Матфея евангелиста.

«По-настоящему, нам не следовало бы иметь и нужды в помощи Писаний, а надлежало бы вести жизнь столь чистую, чтобы вместо книг служила благодать Духа, и чтобы, как те исписаны чернилами, так и наши сердца были исписаны Духом. Но так как мы отвергли такую благодать, то воспользуемся уже хотя бы вторым путем. А что первый путь был лучше, это Бог показал и словом и делом. В самом деле, с Ноем, Авраамом и его потомками, равно как с Иовом и Моисеем, Бог беседовал не чрез письмена, а непосредственно, потому что находил их ум чистым.

Когда же весь еврейский народ пал в самую глубину нечестия, тогда уже явились письменна, скрижали и наставления чрез них. И так было не только со святыми в ветхом завете, но, как известно, и в новом. Так и апостолам Бог не дал чего-либо писанного, а обещал вместо писаний даровать благодать Духа. "Той, – сказал он им, – ...вспомынет вам вся» (Ин. 14, 26). И чтобы ты знал, что такой путь (общения Бога со святыми) был гораздо лучше, послушай, что Он говорит через пророка: "Завещаю вам ...завет нов, ...дая законы Моя в мысли их, и на сердцах... напишу я», «и будут вси научени Богом» (Иер. 31, 31–34, Ин. 6, 45). И Павел, указывая на это превосходство, говорил, что он получил закон (написанный) «не на скрижалех каменных, а на скрижалех сердца плотяных» (2Кор. 3, 3).

Но так как с течением времени одни уклонились от истинного учения, другие от чистоты жизни и нравственности, то явилась опять нужда в наставлении письменном. Размыслите, какое будет безрассудство, если мы, которые должны были жить в такой чистоте, чтобы не иметь и нужды в Писании, а вместо книг предоставлять сердца духу, если мы, утратив такое достоинство и возымев нужду в Писании, не воспользуемся, как должно, и этим вторым врачевством. Если достойно укоризны уже и то, что мы нуждаемся в Писании и не привлекаем к себе благодати Духа, то какова, подумай, будет наша вина, если мы не захотим воспользоваться и этим пособием, а будем презирать Писание, как излишнее и ненужное, и таким образом навлекать на себя еще большее наказание?» ¹¹.

Св. Иоанн Златоуст защищает здесь необходимость изучения Священного Писания, но мимоходом он говорит, что нам, по-настоящему не следовало бы иметь и нужды в Священном Писании, что при чистой жизни вместо книг душе служит благодать св. Духа. Этот путь духовного просвещения выше. С патриархами, с апостолами Бог говорил без помощи Писания. Нужда в Священном Писании явилась уже тогда, когда одни уклонились от истинного учения, а другие – от чистоты жизни.

Писание, это – уже второе врачевство. Достойно даже укоризны то, что мы нуждаемся в Писании. Ясно прежде всего, что св. Иоанн Златоуст не отождествляет Священного Писания с христианством. Писание он называет пособием, врачевством. Очевидно, религиозная жизнь может существовать и помимо св. Писания и без св. Писания, которое является лишь одним из пособий этой жизни. Жизнь спасающейся души питается Божественным Духом, конечно, в Церкви. Это уже воля Божественного Духа, что для научения людей Он допустил посредство Писаний, книг, особенно тогда, когда душа перестала быть способной для восприятия непосредственных действий Духа.

Весьма замечательно, что приведенные рассуждения св. Иоанна Златоуста почти буквально повторяет преп. Исидор Пелусиот в письме к диакону Исидору. Преп. Исидор в рассуждениях Златоуста видел море превосходящее обилие мыслей. От рассуждений Златоуста сам Исидор был в положительном восторге, хотя и признает, что на первый взгляд эти рассуждения могут показаться чем-то невероятным и даже соблазнительным. «Не поверишь, может быть, – пишет преп. Исидор, – услышав, но хорошо выразишь, знаю, не только удивишься, но даже станешь рукоплескать. Что же это такое, что сначала покажется невероятным, а после того сделается не только удивительным, но и достойным рукоплескания? Скажу кратко, не многими слогами выразив и море превосходящее обилие мыслей». Далее преп. Исидор и повторяет рассуждения Иоанна Златоуста¹².

Наконец, великий подвижник и великий авторитет в вопросах духовной жизни и спасения авва Исаак Сириянин, бывший епископом христоролюбивого града Ниневи, свидетельствует, что для человека, достигшего совершенства, на высших ступенях созерцательной подвижнической жизни Священное Писание уже не имеет того значения, которое оно имеет для людей, высокого совершенства еще не достигших. «Пока человек не примет Утешителя, потребны ему Божественные Писания для того, чтобы памятование доброго напечатлелось в мысли его, и непрестанным чтением обновлялось в нем стремление к добру, и охраняло душу его от тонкости греховных путей: потому что не приобрел еще он силы Духа, которая удаляет заблуждение, похищающее душеполезные памятования и приближающее его к холодности чрез рассеяние ума. Но когда сила Духа низойдет в действующую в человеке душевную силу, тогда вместо закона Писаний укореняются в сердце заповеди Духа, и тогда тайно учится у Духа и не имеет нужды в пособии вещества чувственного. Ибо, пока сердце учится от вещества, непосредственно за учением следует заблуждение и забвение, а когда учение преподается Духом, тогда памятование сохраняется невредимым»¹³. Здесь можно отметить общую с Златоустом мысль о том, что Писание есть пособие для духовной жизни. Чтение Писания обновляет в душе стремление к добру. Но жизнь души не обнимается Писанием всецело. Эта жизнь благодатна, а благодать душе подает, конечно, не книга Священного Писания, а Дух Святой, ниспосланный, Церкви.

Приведенные рассуждения великих отцов Церкви на первый взгляд могут показаться соблазнительными, но если вдуматься в них и поставить их в общую систему православного церковного мирозерцания, то нельзя

не согласиться, что в них море превосходящее обилие мысли. В них можно видеть церковную оценку Писаний. Так могли сказать только люди, всецело жившие в Церкви и вполне усвоившие себе религиозный идеал Церкви, который состоит не в новом школьном учении, а в новой жизни спасенного человечества, создаваемой Духом Святым на основе воплощения Сына Божия.

Но несомненно, что в приведенных святоотеческих мнениях дается непривычная для нас оценка Писания. Эта оценка Писания понятна лишь для того, кто живет сознательно чисто религиозным идеалом. Религиозный идеал Церкви, идеал обожения, которым полно наше богослужение, в современном сознании является уделом весьма немногих.

Может быть, самое печальное в наше время есть именно подделка Христа и Церкви. На христианство смотрят не как на новую жизнь спасенного человечества, объединенного в Церкви, а только как на сумму некоторых теоретических и моральных положений. Слишком много и часто стали теперь говорить о христианском учении и забывать стали про церковную жизнь. Вместе с тем, забывать стали и про то, что главное в деле Христовом, это – Его воплощение. На Христа стали смотреть больше как на учителя-мудреца, а истина Его Богосыновства в современном религиозном сознании отошла на задний план. Учителю ведь можно и не быть Сыном Божиим, Единородным и Единосушным Богу Отцу.

Христианами теперь готовы назвать уже не только ариан, но даже и тех, кто Христа, как древние жиды, почитает обыкновенным сыном назаретского плотника, в лучшем случае гениальным религиозным учителем, вроде Будды, Конфуция и подобных. У нас и Лев Толстой попал в христиане, да еще не простые, а «истинные христиане». Современному религиозному сознанию нужно и понятно только Христово учение, но не нужен Христос-Богочеловек, и новая жизнь, принесенная Им на землю и сохраняющаяся в едином благодатном организме Церкви. Христос с престола одесную Бога Отца в современном религиозном сознании низведен на кафедру проповедника.

Но если пред нами учитель, то каждое его слово, каждый литературный памятник, в котором так или иначе отразилось его учение, должен получать особенное значение. Нечто подобное случилось и со Священным Писанием. Само по себе и независимо от Церкви оно получило особенное значение тогда, когда померк светлый идеал Церкви. Священное Писание стало предметом особенного внимания и разностороннего изучения со времени немецкой реформации, т. е. именно тогда, когда на место Церкви поставлена была отдельная личность и

широко открыта была дверь для рационализма, мертвящего всякую подлинно церковную жизнь.

Ведь в принципе убившее всякую церковную жизнь протестантство выступало и выступает не иначе, как под знаменем Священного Писания, объявляя боговдохновенной каждую его букву. С речами об особенном уважении к Писанию выступает протестантство даже и теперь, хотя уже и для пасторов не считается обязательной вера в Божество Христа, как показал в последние годы случай с пастором Ято – этим немецким Толстым в одежде пастора – и факты сочувствия пасторов новейшим мифологистам во главе с Артуром Дреусом, которые утверждают, что Христос, как историческая личность, вовсе и не существовал. Потеряв живого Христа и подлинно церковную жизнь, протестанты начали поклоняться книге Нового Завета, как какому-то фетишу. Войдите вы в протестантскую кирху крайних протестантских толков. Вы увидите ряды скамеек, обращенных к кафедре, кафедру и на ней Библию.

Одним словом, если вынести из любого класса или аудитории икону, то и получится протестантская кирха. Евангелие для протестантов как бы сочинение Христа-учителя, которое нужно изучать, чтобы быть христианином. Всю полноводную реку благодатной церковной жизни протестантство пытается подменить одной струей, взятой отдельно и обособленно. Из Библии протестанты, взбунтовавшиеся против папы-человека, создали «бумажного папу» и была последняя лесть горше первой.

По-видимому, Священное Писание выше ценится теми, кто потерял Церковь, но это только по-видимому.

На Священное Писание должно смотреть как на одно из явлений благодатной церковной жизни. Но кто вне Церкви, для того благодатной жизни нет вообще. Все рассуждения протестантов и сектантов о боговдохновенности Священного Писания – одно пустословие, которое неясно, и всегда весьма сомнительно для самих рассуждающих.

Живая духовная сила не может быть магически прикреплена к мертвым безжизненным вещам. Есть страстные любители, например, древних икон, которые в религиозном отношении нигилисты. Разве иконы их коллекций остаются теми же, какими были они, древние и чтимые, благоговейно поклоняемыми и лобызаемыми, в древних благолепных храмах? Дух дышет, где хочет. Он оживляет единое тело Христово. Какая же боговдохновенность вне Церкви, без Духа Божия? Если же благодатная сторона Священного Писания вне Церкви необходимо уничтожается, то что же остается? Остается Библия, книги, литературное произведение,

литературный памятник. В Церкви Священное Писание не составляет всего, но вне Церкви вовсе нет Священного Писания, Слова Божия; остаются лишь книги Священного Писания.

Внецерковные люди очень часто говорят о своем уважении к Священному Писанию и укоряют Церковь в пренебрежении Писанием. Но эти речи – лишь один самообман и печальное недоразумение. Правильно мыслить о Писании мы можем лишь выходя из идеи Церкви, а правильно употреблять Писание себе на пользу мы можем только *живя в Церкви*. Без Церкви, без церковной жизни в ничто разрешается самое христианство¹⁴ и чтением литературных памятников умершей жизни заменить нельзя.

Определяя сущность Священного Писания, мы можем теперь формулировать следующий тезис:

Священное Писание – одна из сторон общей благодатной церковной жизни и вне Церкви Священного Писания, в истинном смысле этого слова, нет.

Устанавливая этот взгляд на Священное Писание, следует оговориться относительно господствующего даже в нашем школьном богословии воззрения, по которому Священное Писание – прежде всего источник вероучения церковного. Нужно признаться, что вопрос об источниках вероучения находится почти в безнадежном положении в нашей резонирующей догматике. Обыкновенно говорят о двух источниках вероучения: о Священном Писании и Священном Предании. Оба эти источника необходимы, хотя нередко склонны преимущество отдавать Священному Писанию.

В полемике с сектантами и протестантами напрягают все силы к тому, чтобы доказать, что одного Священного Писания недостаточно, что, кроме Писания нужно еще и Священное Предание. Но если Священное Писание – источник вероучения, то как же почерпать из этого источника заключенное в нем вероучение? «Ведь достаточно вспомнить арианство и первый вселенский собор, чтобы понять, что и всякая ересь основывается на Писании.

Очевидно, возникает вопрос: как понимать Писание, чтобы почерпать из него *истинное* вероучение? Нужно понимать его согласно с Преданием» – отвечают нам. Прекрасно! А какое предание следует принимать? «Не противоречащее Писанию». Что же получается? Писание нужно толковать по Преданию, а Предание нужно проверять Писанием. Получается логический круг, *idem per idem*, или, в несколько вольном переводе на русский язык, – сказка про белого бычка.

Источник церковного вероучения один – Дух Святой, живущий в

Церкви, о котором обетовано Христом, что Он будет вести (Ин. 16, 13) Церковь ко всякой истине. И не потому Церковь имеет истинное вероучение, что она берет его из Священного Писания и Священного Предания, а только потому, что она есть именно Церковь Бога живого, столп и утверждение истины, – как руководимая Духом Святым. Говорить нужно только о Церкви.

Вместе с Церковью стоит или падает и Священное Писание и Священное Предание. Весьма хорошо писал А.С. Хомяков в своем «Опыте катехизического изложения учения о Церкви»: «Дух Божий, живущий в Церкви, правящий ею и умудряющий ее, является в ней многообразно: в Писании, в Предании и в деле, ибо Церковь, творящая дела Божий, есть та же Церковь, которая хранит предание и писала Писание.

Не лица и не множество лиц в Церкви хранят предание и пишут, но Дух Божий, живущий в совокупности церковной. Потому ни в Писании искать основы Преданию, ни в Предании доказательств Писанию, ни в деле оправдания для Писания и Предания – нельзя и не должно. Вне Церкви живущему непостижимо ни Писание, ни Предание, ни дело. Внутри же Церкви пребывающему и приобщенному к Духу Церкви единство их явно по живущей в ней благодати» (§ 5).

По этому же предмету можно читать прекрасные и глубокие рассуждения в «Послании патриархов восточно-кафолической Церкви о православной вере». «Веруем, что свидетельство кафолической Церкви не меньшую имеет силу как и Божественное Писание. Поелику Виновник того и другого есть один и тот же Святый Дух: *то все равно, от Писания ли научиться, или от вселенской Церкви.*

Человеку, который говорит сам от себя, можно погрешать, обманывать и обманываться; но вселенская Церковь, так как она не говорила и не говорит от себя, но от Духа Святаго (которого она непрестанно имеет и будет иметь своим учителем до века), никак не может погрешать, ни обманывать, ни обманываться; но, подобно Божественному Писанию, непогрешительна и имеет всегдашнюю важность... Живя и поучаясь в Церкви, в которой преемственно продолжается устная апостольская проповедь, человек может изучать догматы христианской веры от вселенской Церкви, и это потому что сама Церковь не из Писания выводит свои догматы, а имеет оные в готовности ; если – же она, рассуждая о каком-нибудь догмате, приводит определенные места Библии, то это не для вывода своих догматов, а только подтверждения оных, и кто основывает свою веру на одном Писании, тот не достигает полной веры и не знает ее свойств».

В полном согласии с этими авторитетными рассуждениями мы можем *все свести к вере в Церковь*. Верует человек в Церковь, – для него получает надлежащее значение Священное Писание.

Но кто не достиг полной веры, кто не знает ее свойств, кто не понимает, что христианства *нельзя* иначе представлять, как в виде Церкви, тот грубо и кощунственно отвергает саму веру в Церковь.

Так поступал Лев Толстой, который в предисловии к «Краткому изложению Евангелия» писал: «Заявление о том, что выражение такого-то догмата есть выражение Божественное, св. Духа, есть высшая степень гордости и глупости: высшей гордости потому, что ничего нельзя сказать горделивее, как то, что сказанные мною слова сказал через меня сам Бог, и высшей глупости потому, что ничего нельзя сказать глупее, как то, чтобы на утверждение человека о том, что его устами говорит сам Бог, сказать: нет, не твоими устами, а моими устами говорит Бог и говорит совершенно противоположное тому, что говорит твой Бог. А между тем только это самое говорят все соборы, все символы веры, все церкви и из этого вытекает и вытекало все зло, которое во имя веры совершалось и совершается в мире» ¹⁵. Эти грубые слова интеллигентского «истинного христианина» и «великого учителя» в той или другой форме готовы повторять весьма многие.

Вера в Церковь – подвиг и подвиг не легкий, а для наших современников порою непосильный. Жить в Церкви – значит вообще любить, жить любовью, а жить любовью – значит бороться с греховным себялюбием, которым люди так сильно болеют. В частности, вера в Церковь есть подвиг и ума, потому что она требует от него покорности.

Покорять же разум свой Церкви особенно тяжело потому, что эта покорность непременно отразится и на всей жизни. В отношении к Церкви подвиг ума связан и с подвигом воли. Представим на минуту, что люди всецело покорились Церкви. Сколько идолов, сколько богов и божков нужно им будет свергнуть? Уже не Днепр, а целое море нужно будет, чтобы потопить этих истуканов. Но даже и один подвиг ума не легко дается тому, чей разум кичит. Преосвященный Феофан Затворник рассуждает: «Замечательно, что премудрость зовет к себе безумных: «иже есть безумен, да уклонится ко мне» (Притч.9:4).

Стало быть умникам нет входа в дом премудрости или в св. Церковь. Умность всякую надо отложить у самого входа в этот дом. С другой стороны, если всякая мудрость и ведение только в доме Премудрости, то вне сего дома, вне св. Церкви, только безумие, неведение и слепота.

Дивное Божие учреждение! Входя в Церковь, оставь свой ум – и

станешь истинно умным, оставь свою самодеятельность – и станешь истинным деятелем; отвергнись и себя самого – и станешь настоящим владыкой над собою. Ах, когда бы мир уразумел премудрость эту! Но это сокрыто от него. Не разумея премудрости Божией, он вопиет на нее, и безумных разумников продолжает держать в ослеплении своем». Таких «безумных разумников» теперь очень много, потому что человечество стало уж слишком «умно» и еще больше умничает.

Всечеловеческий разум кичит все больше и больше. А всякая гордость и кичение с Церковью не совместимы. Еще древнецерковная мысль отметила связь гордости с отступлением и противлением Церкви. «Ереси происходили и происходят часто оттого, – пишет св. Киприан Карфагенский, – что строптивый ум не имеет в себе мира» ¹⁶. «Гордые и непокорные люди отступают от Церкви или восстают против Церкви» ¹⁷.

Вот это-то антицерковное и антихристианское настроение и лежит в основе отделения Священного Писания от Церкви. Церковь отрицается – Священное Писание признается. Церковь поносят – Священное Писание превозносят. Наш тезис, что Священное Писание может быть только в Церкви и не может быть вне Церкви, этот тезис заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее, чтобы истина возвысилась над заблуждением и недоразумением. Из идеи Церкви мы выходили при рассуждении о самой сущности Писания; эта же идея определяет нам и наше отношение к Священному Писанию. Только твердо держась за идею Церкви, можем мы отражать ложные речи разделяющих неразделимое, отделяющих Священное Писание от Церкви.

Теперь все чаще и чаще приходится сталкиваться с подобными рассуждениями:

«В Священном Писании мы читаем вот то-то. Церковь учит иначе. *Значит*, Церковь заблуждается». Так до тошноты однообразно поют всевозможные сектанты. Вторят им некоторые и из именующих себя христианами, те именно, которые усвоили себе непонятное высокомерное отношение к Церкви, себя поставляя несравненно выше нее. Стоя на охарактеризованной выше точке зрения на источники вероучения, ответить собственно не легко. Взять хотя бы вопрос об иконопочитании. Сектант укажет на запрещение изображений в ветхом завете, на слова Христа о духовном поклонении. Для него иконы – противоречие. Сказать, что иконопочитание основано на предании?

Но ведь предание нужно принимать лишь тогда, когда оно не противоречит Писанию. Ссылки, например, на херувимов завесы ветхозаветного храма малоубедительны. Спор поэтому идет без конца и

без пользы, потому что миссионеры переходят сами на точку зрения сектанта, а эта точка зрения по самому существу ведет лишь к словопрению, но не к истине. Выходя из идеи Церкви, мы не имеем и нужды спорить на основании Писания; для нас достаточно нашей веры в Церковь.

Бесплодность споров «от Писания» давно осознана еще Тертуллианом, который говорил, что от этих споров можно лишь повредить желудку и мозгам, потерять голос и дойти до бешенства от богохульства еретиков ¹⁸. Он же настойчиво утверждает, что не следует апеллировать к Писанию; там победа или ненадежна или совсем невозможна ¹⁹. Церковный человек может смело повторить эти слова, потому что для него «все равно от Писания ли поучаться или от вселенской Церкви».

Все рассуждения о противоречии Церкви Священному Писанию совершенно ложны и безбожны в самом корне. Дух Святый чрез св. апостолов написал для Церкви Священное Писание, но ведь тот же Дух Святый, по неложному обетованию Спасителя, и саму Церковь наставляет на всякую истину. Дух Святый един и неделим, вечен и неизменен, Он – Дух истины. Как же могло случиться, что в Священном Писании Он говорит одно, а в учении и жизни церковной – другое?

Разве напрасно, как собор апостольский, описанный в 15 главе книги деяний апостольских, так и все последующие соборы начинали свои определения словами: «изволися св. Духу и нам?» Допускать возможность противоречия между Церковью и Священным Писанием, это значит – говорить о самопротиворечии св. Духа, это поистине значит возводить хулу на Духа Святого. Только диавол может внушить богохульную мысль о противоречии Духа Святого Самому Себе, и нельзя не согласиться с сильным и резким, но мудрым и справедливым изречением преп. Викентия Лиринского: «Когда увидим, что некоторые приводят изречения пророческие и апостольские в опровержение вселенской веры (равно говорят о противоречии между Церковью и Священным Писанием), мы не должны сомневаться в том, что устами их говорит диавол» ²⁰.

Вспоминается и стих из послания к евреям: «Колико мните горшия сподобится муки, иже... Духа благодати укоривый» (Евр. 10, 29).

Если же Церковь и Священное Писание в противоречии быть не могут по самому своему существу, то отсюда следует с необходимостью вывод: «если учение Церкви кажется нам противоречащим Священному Писанию, то это признак лишь того, что мы плохо поняли или учение церковное, или Священное Писание, или то и другое вместе, а потому

наше дело только постараться понять то и другое получше и понять само согласие Священного Писания и учения Церкви, а не отрицать и не порицать учения церковного во имя своего горделивого недомыслия.

Так и поступали святые отцы Церкви на вселенских соборах. Еретики, например, ариане на первом вселенском соборе, приводили множество мест Священного Писания, противоречащих, по их мнению, истине единосущия, но отцы лишь показывали, как все эти места должно понимать, чтобы они истине церковной не противоречили. Точно так же шестой вселенский собор не мало занимался истолкованием евангельского повествования о «Гефсиманском борении». Вполне понятно, что для церковного человека никакое место Священного Писания не должно противоречить церковному учению, и церковное учение, таким образом, является мерилем истинного разумения Писания.

Необходимость именно церковного отношения к Писанию откроется с особенной ясностью, если мы до конца продумаем ту величайшую ложь, которую начертал на своем знамени протестантизм, а за ним всевозможное сектантство и вообще человеческое легкомыслие и неразрывно связанное с ним вольномыслие. Протестантизм в принципе отверг необходимость церковных норм для истолкования Писания. Говорю в принципе, потому что на самом деле эти нормы все же были выдуманы в виде новоизмышленных сектантских символов.

Если нормы церковные отвергнуты, то человек остается с Писанием, так сказать, наедине и при истолковании Писания каждому нужно руководиться своим так называемым здравым смыслом, надев предварительно на свою голову тиару непогрешимого папы. Надежное ли дело руководиться при толковании Священного Писания своим здравым смыслом? Но кто не встречался с фактами, когда здравый смысл разных людей одни и те же явления оцениваем по-разному? При толковании Евангелия на здравый смысл часто ссылается Толстой. Но ведь нужно иметь наивность и упорство этого редкостного гордеца, чтобы признать чуть ли не психически ненормальными всех тех, кто не может принять и не принимает его толкований, основанных на здравом смысле. Но я думаю, и это, пожалуй, несомненно, что в таком деле, как понимание и толкование Священного Писания, наш разум, предоставленный самому себе, совершенно не может быть здравым.

Ведь кто наблюдает за своей нравственной жизнью и имеет смелость сказать самому себе горькую правду, тот, несомненно, замечал, как порою гнется наш разум под напором страсти и как он порою робко, порою дерзко и нахально оправдывает нашу слабую волю. Обычно мы более или

менее легко соглашаемся друг с другом в тех вопросах, которые не затрагивают нашей жизни, не касаются направления нашей воли. Вот почему в вопросах математических установлено столько общепризнанных и бесспорных истин. В самом деле, почему бы мне не признать, что сумма углов треугольника равна всегда двум прямым, что сумма квадратов, построенных на катетах, всегда равна квадрату, построенному на гипотенузе, как утверждает теорема Пифагора? Почему не признать мне этих математических истин? Ведь признание их меня ровно ни к чему не обязывает.

То же самое можно сказать и о других так называемых научных истинах. «Из-за чего здесь спорить, из-за чего ломать копья? Не все ли мне, в сущности, равно, скажут ли мне ученые специалисты, что, например, материя построена из Менделеевских атомов или электронов и ионов; что свет есть волнообразное колебание эфира или объясняется незримыми и загадочными электрическими токами; что солнце несется не к созвездию Геркулеса, а, положим, к созвездию Рака, Скорпиона или Лиры?.. Раз ученые люди нашли, что это так, пусть будет так. А когда они скажут, что это не так, и все другие повторят за ними, что это не так. И ничего от этого не изменится. Это – дело специалистов, их домашнее дело» ²¹. Но весьма глубокомысленно и остроумно говорил гениальный Лейбниц: «Если бы геометрия вооружалась против наших страстей и наших насущных интересов столько же, как мораль, мы бы не менее ее оспаривали и нарушали, несмотря на все доказательства Евклида и Архимеда, которые третировали бы как выдумки и считали бы полными паралогизмов, а Иосиф Скалигер, Гоббес и другие, писавшие против Евклида и Архимеда, не находили бы себе так мало последователей, как теперь» ²². А Писание Священное как раз и направлено против страстей человеческих. Здесь все говорит о жизни и о Том, кто Сам о Себе сказал: «Я есмь жизнь». Вот почему разум, если он предоставлен самому себе, при толковании слова жизни не может остаться чистым или здоровым.

Но что же из всего этого следует для нас поучительного по нашему вопросу? А именно то, что, если толкование Священного Писания предоставим каждому отдельному человеку, то окажется столько же пониманий слова Божия, сколько людей и сколько у всех их вместе будет капризов, т. е. совсем не окажется Священного Писания с определенным смыслом. В жертву произволу будет принесена и наука. Наука ведь бессильна при ответах на вопросы жизни; она не может по этим вопросам установить какое-нибудь единомыслие. Если бы единомыслие зависело от науки, – давно бы пора этому единомыслию установиться, но мы видим,

что сомнений и разномыслий, благодаря науке, становится нисколько не меньше, – наоборот, даже больше.

Прекрасной иллюстрацией того, как человек своим умом толкует Священное Писание, может служить та сцена из «Фауста», где Фауст толкует первый стих евангелия Иоанна.

*Возьму я подлинник раскрою,
С правдивым чувством, я взалкал
Святой оригинал
Перевести мне речию родною.
(Он открывает том и готовится).
Написано: «В начале было Слово».
Вот я и стал! Как продолжать мне снова?
Могу ли слову я воздать такую честь?
Иначе нужно перевести!
Коль верно озарен исход тяжелых дум,
То здесь написано: «В начале был лишь ум».
На первой строчке надо тщиться,
Чтобы перу не заблудиться.
Ум та ли власть, что все подвинув сотворила?
Поставлю я: «Была в начале сила».
Но в миг, как собралась писать рука моя,
Предчувствую, что все не кончу этим я.
Вдруг вижу свет! Мне дух глаза открыл!
И я пишу: «В начале подвиг был».*

В каких-нибудь три минуты сменилось целых четыре толкования одного и того же слова! Но ведь эта сцена из «Фауста» разве не была разыграна и на русской почве, в Ясной Поляне, где поклонник здравого (только своего!) смысла решил по справке с греческим лексиконом остановиться на таком переводе того же евангельского текста: «Началом всего стало разумение жизни»?

Как иногда могут быть причудливы толкования евангельского текста, можно видеть на следующем примере. Известный В. В. Розанов так однажды истолковал Мф.16, 18. «Ты – Петр, и на сем камне (пустыня) созижду Церковь Мою» – есть как бы предуготовление, что вся Церковь, почти вся, будет построена на характере пустынного, пустынножительного бытия» ²³. Но в другом месте ²⁴ некто из единомышленников Розанова («Рцы») тот же стих толкует иначе. Почему Церковь основана на Петре? Потому, что он был женат, имел детей, страстно любил жену и детей, не разлучался с ними в своих

благовестнических путешествиях. Следовательно, в основе Церкви положено начало семейное.

Не ясно ли, что сколько людей и сколько у них настроений, столько и смыслов окажется в Священном Писании. На эту тему мы имеем авторитетные и превосходные рассуждения преп. Викентия Лиринского. «Священное Писание, по самой его возвышенности, не все понимают в одном и том же смысле, но один толкует его изречения так, другой иначе; так что почти сколько голов, столько же, по-видимому, можно извлечь из него и смыслов» ²⁵.

«Неужели и еретики пользуются свидетельствами Священного Писания? Пользуются, действительно, и притом – необыкновенно много. Они, заметь, рыщут по всем книгам божественного закона, – по книгам Моисея, по книгам Царств, по псалмам, по Апостолам, по Евангелиям, по пророкам. При своих ли или при чужих, частно или публично, в устных ли беседах, или в сочинениях, в домашних ли собраниях или в общественных сходках, они никогда почти не говорят о своем ничего такого, чего не старались бы оттенить вместе с тем и словами Писания.

Возьми сочинения Павла Самосатского, Прискиллиана, Евномия, Иовиниана и прочих заразителей, – и ты увидишь в них несметное множество свидетельств; не найдешь ни одной почти страницы, которая не была бы подкрашена и расцвечена изречениями нового или ветхого завета. Они знают, что зловонные извержения их едва ли кому могут скоро понравиться, если оставить их испаряться в том виде, как они есть, и потому орошают их как бы ароматом глаголов небесных, чтобы тот, кто легко презрел бы заблуждение человеческое, нелегко отвернулся от вещаний божественных.

Они поступают подобно тем, которые, желая смягчить для ребенка остроту какого-нибудь питья, сначала обыкновенно мажут ему губы медом, чтобы неопытное дитя, предощутив сладость, не испугалось горечи. Потому-то и возглашал Спаситель: "Внемлите себе от лживых пророк, иже приходят к вам во одежде овчьей, внутрь же суть волцы хищницы» (Мф. 7, 15).

Кто эти волки-хищники, как не еретики, которые со своими лютыми зверскими вымыслами постоянно нападают на овчие двory Церкви и терзают стадо Христово, где только могут, а чтобы незаметнее подкрасться к простодушным овцам, прячут свой волчий вид, не покидая волчьей лютости и, как руном, окутываются изречениями Божественного Писания, чтобы, чувствуя мягкость шерсти, никто не побоялся их острых зубов?

Всякий раз, как только лжепророки или лжеапостолы или лжеучители приводят изречения Священного Писания с целью превратным истолкованием их подтвердить свои заблуждения, они несомненно подражают лукавым ухищением руководителя своего, к которым тот, конечно, никогда не прибегал бы, если бы не знал по опыту, что когда надобно подвести оболъщение неподобным заблуждением, то нет более легкого пути к обману, как ссылка на авторитет слова Божия.

Но откуда видно, скажет кто-нибудь, что диавол имеет обыкновение пользоваться свидетельствами Священного Писания? Читай евангелия. Там пишется: «Тогда поять Его, т. е. Господа Спасителя, диавол, ...и постави Его на криле церковном, и глагола Ему: Аще Сын еси Божий, верзися низу; писано бо есть, яко ангелом своим заповесть о тебе сохранить тя во всех путех твоих – на руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою» (Мф. 4:5–6; Пс.90:11–12).

Чего же не сделал бедненьким людям тот, кто на Самого Господа величества напал свидетельствами из Писаний? Как тогда глава говорил Главе, так и ныне члены говорят членам, – члены, т. е. диавола членам Христовым, вероломные верным, нечестивые благочестивым, еретики, наконец, православным. Что же именно говорят? Аще, говорят, Сын еси Божий, верзися низу, – то есть если хочешь быть сыном Божиим и наследовать царство небесное, то верзися низу, то есть, бросься с вершин Церкви, которая также есть храм Божий, – оставь ее учение и предание.

И если кто спросит какого-нибудь еретика, внушающего ему это: чем докажешь, на каком основании учишь, что я должен оставить древнюю и всеобщую веру вселенской Церкви? он немедленно ответит: писано бо есть, – и тотчас представит тебе тысячу примеров, тысячу доказательств из Закона, из псалмов, из апостолов, из пророков, чтобы, истолковав их на новый и худой лад, низвергнуть несчастную душу из вселенского ковчега в омут ереси.

Что же, скажет кто-нибудь, делать людям православным, сынам матери Церкви, когда божественными глаголами, изречениями, обетованиями пользуются и диавол и ученики его, из которых одни – лжеапостолы, другие – лжепророки и лжеучители, а все вообще – еретики? Они непременно должны наблюдать, чтобы Священное Писание истолковывалось согласно с преданиями всей Церкви и по указаниям вселенского догматического учения»²⁶.

Оставьте человека с Писанием одного, – и Писание потеряет всякий определенный смысл и значение. Останется собственно только один человек, который капризы и причуды своего ума будет прикрывать

авторитетом Слова Божия. Без Церкви и вне Церкви, хотя бы человек и имел в руках книгу Священного Писания, для него неизбежно состояние безнадежного блуждания.

«Отчуждившись от истины, – пишет св. Ириной об еретиках, – они естественно увлекаются всяким заблуждением, волнуемые им, по временам думая различно об одних и тех же предметах и никогда не имея твердого знания, желая быть более софистами слов, чем учениками истины. Они всегда имеют предлог искать (истину), но никогда не могут найти ее» ²⁷.

Становится вполне понятным грозное слово Поликарпа Смирнского, – ученика апостола любви – который в своем послании к Филиппийцам первенцем сатаны называет того, кто будет толковать слова Господни по собственным похотям (гл. 7).

Мало того. Предоставленный в отношении Священного Писания самому себе рассудок может идти и дальше в деле насилия над Писанием, оправдывая мудрые слова Климента Александрийского: «Люди, предавшиеся страстям, насилуют и Писание сообразно со своими пожеланиями» ²⁸. А новозаветные книги Священного Писания для всевозможного насилия над ними дают самый широкий простор, – потому именно, что Христос ничего Сам не писал. Основатели каких-нибудь философских школ оставили после себя часто многотомные собрания своих сочинений, где они более или менее полно и определенно высказались, сами изложили свое учение. Кто хочет усвоить их учение, может обратиться к этим сочинениям. Можно в них не все понять или понять несколько своеобразно, но все же безграничного произвола быть не может, потому что изучающий связан подлинными словами изучаемого автора, философа. Совсем не то Христос и его учение.

Сам Христос ничего не писал. Писали о Нем другие, писали спустя не мало лет после окончания Его земной жизни, писали даже те, кто не был непосредственным очевидцем Его дел и слушателем Его учения. С точки зрения автономного разума, не только вполне уместен, но даже законен и совершенно неизбежен вопрос: да правильно ли писатели новозаветных книг передали Христово учение? Да верно ли рассказали они об Его жизни и чудесах?

Пусть даже все новозаветные книги и совершенно подлинны, но разве это значит непременно, что все в них написанное вполне соответствует действительности? Подлинность книги всегда нужно отличать от ее достоверности. Подлинность еще далеко не есть постоянное и надежное ручательство достоверности. Безусловно подлинное сообщение даже

очевидца может нередко оказаться совершенно ложным. Очевидец мог дурно наблюдать событие или плохо его понять. Мог он перепутать, если писал по памяти спустя десятилетия после события. Кроме того, часто ли человек бывает совершенно беспристрастным рассказчиком, лишь фотографирующим события?

Разве редко поддается он искушению прибавить кое-что и от себя, свою мечту описать осуществившуюся? Да наконец, автор может иметь особую цель не все передавать непременно так, как было. Все эти и подобные предположения, конечно, вполне понятны и естественны. Но ведь если так, то разве не ясно, что для разума человеческого открывается совершенно безграничная возможность находить в новозаветных книгах все, что угодно? Можно не находить того, что там есть, и можно между строк читать то, чего не написано ни в одной из существующих строк.

Что в Евангелии действительно принадлежит Христу и что лишь выдано за Христово апостолами? Какое именно событие соответствовало в действительности тому или другому евангельскому рассказу? Предполагать можно что угодно и «христианство» можно создавать в полном согласии не только со своими вкусами и желаниями, но даже и со своими прихотями. Но что будет с Христовой истиной при таком отношении к Священному Писанию?!

Ведь, к сожалению, наши рассуждения не одно лишь предположение, а вывод из многочисленных и поучительных исторических фактов. Еще во втором веке были люди, о которых св. Иринея Лионский говорит, что они хвалились, называя себя исправителями апостолов²⁹ и считая себя мудрее не только епископов, но даже и апостолов³⁰. Это – гностики валентиниане. Тертуллиан говорит о них, что изречения Священного Писания были для них тем же, чем одежды овчие для хищных волков³¹.

Известно, что за сумбурные системы учения были у гностиков с их зонами и сизигиями, но с этими системами, по выражению св. Иринея, они будто в ложном сонном мечтании вторгались в Писания³², где и находили подтверждение всем своим учениям, так что без подтверждения из Писания ничему не учили³³ и сами говорили, что все нужно проверять учением Спасителя³⁴. Как же могло случиться, что системы гностические оказались, заключающимися в Новом Завете? А именно так, что по учению гностиков Христово учение изложено апостолами в Евангелии неясно и неопределенно. В Евангелии не все следует понимать так, как написано.

Среди валентиниан была весьма распространена так называемая теория аккомодации. А по этой теории и Христос во внешнем выражении

Своего учения приспособлялся к пониманию Своих учеников и вообще слушателей; так же и апостолы в своих посланиях. Христос учил Своих учеников, во-первых, типологически и мистически, во-вторых, в притчах и загадочно и в-третьих, ясно и прямо ³⁵, притом по одиночке тех, которые могли понимать ³⁶.

Отсюда, конечно, следовал вывод, что Писание не следует понимать буквально, все Писание как бы притча или загадка. В словах Христа: «ищите и найдете» гностики видели прямую заповедь искать в Писании скрытого таинственного смысла. Отсюда безграничный аллегоризм в толковании и в результате в Писании находятся все положения гностических систем. Так, например, в притче о винограднике (Мф. 20, 1–16) гностики находили учение о тридцати зонах. Хозяин выходил для найма работников в первый, третий, шестой, девятый и одиннадцатый часы. Если сложить эти числа, получится тридцать.

Это – указание на тридцать эонов. Можно согласиться с Тертуллианом, что подобное толкование вредило истине не меньше порчи текста ³⁷. Поклонник самостоятельного отношения к Священному Писанию, т. е. вне церковного, может, пожалуй, возразить: «Вольно же было гностикам делать разные нелепые предположения и пускаться в аллегории. Теперь этим никто не станет заниматься». На самом деле не все обстоит так просто. Ведь гностики пользовались общенаучным экзегетическим методом своего времени, которым пользовались и церковные писатели ³⁸.

Общность метода толкования, однако, приводила к существенно различным результатам. Виноват не метод, а виновато отделение Священного Писания от Церкви, которое всегда открывает доступ человеческому произволу и позволяет, по выражению «Послания патриархов», «играть младенчески такими предметами, кои не подлежат шуткам». От этого противоестественного разделения для истины никогда ничего, кроме вреда, получиться не может.

Не менее поучительный исторический факт можно отметить и в более близкое к нам время. Гораздо дальше гностиков второго века пошли гностики начала века девятнадцатого. Те, древние гностики, искали в Новом Завете оправдания своих религиозно-философских систем; гностики начала девятнадцатого века поставили целью дать «естественную историю великого пророка из Назарета» ³⁹. Они рассуждали так: Христос и апостолы говорили языком простых галилейских поселян; в Евангелии видны все черты наивного мировоззрения поселянина.

Простой человек всюду видит чудо, всюду готов усматривать присутствие каких-то сверхъестественных сил. В Евангелии часто говорится о чудесах, о бесноватых и т. п. Значит ли это, что все действительно так и было? Нет, это значит только то, что действия Христа чудесными казались для окружавших Его простолюдинов, не будучи таковыми на самом деле. Евангелия, чтобы правильно их понять, нужно сначала переложить на язык образованных людей того времени, а потом этот язык перевести на наш современный язык, язык ученых. Кроме того, многое в Евангелии объясняется только тем, что очевидцы плохо наблюдали события, смотрели на них через призму своего наивного мировоззрения.

Такие именно взгляды в начале XIX века развивал Эйхгорн, который давал и образцы толкований по своему методу. По рецептам Эйхгорна полное толкование Нового Завета дал Павлюс, который своими удивительными толкованиями не оставил в Евангелии ни одного чуда, так что действительно получилась естественная история великого пророка, в которой уж совершенно не узнать Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия.

Опять мы видим, что без авторитета Церкви Священное Писание теряет всякий определенный смысл, потому что тотчас явятся самообольщенные «исправители апостолов», которые будут «исправлять» каждый по-своему и все будут друг другу противоречить. Подобных «исправителей» знает каждая эпоха. Просто удивительно, как это до сих пор люди не сообразят, что «исправление апостолов» есть дело *принципально* нелепое, бесчисленное количество раз себя компрометировавшее в истории. В протестантском богословии противопоставление Христа и апостолов – самая обыкновенная вещь. Апостолам не доверяют; их желают «поправить», а вследствие этого и Христос представляется лишь каким-то искомым иксом. Его учение – уравнением со многими неизвестными, которое каждый решает, как ему заблагорассудится.

Если отвергать Церковь, если помимо Церкви подходить к Священному Писанию, то факт, что Христос не писал, ведет непременно к уничтожению Священного Писания. Этот путь от отрицания Церкви до уничтожения Писания проходили и проходят очень многие, но, может быть, никто так откровенно до цинизма не описал этого пути, как это сделал Лев Толстой в предисловии к «Краткому изложению Евангелия» (Женевское издание).

«Читатель должен помнить, что Иисус никогда сам не писал никакой книги, как Платон, Филон или Марк Аврелий, даже никогда, как Сократ,

не передавал свое учение грамотным и образованным людям, а говорил тем безграмотным людям, которых он встречал в жизни, и что только после Его смерти хватились люди, что то, что он говорил, было очень важно и что не худо бы записать кое-что из того, что Он говорил и делал, и почти через сто лет начали записывать то, что слышали о Нем.

Читатель должен помнить, что таких записок было очень много, что многие пропали, многие были очень плохи, и что христиане пользовались всеми ими, и понемногу отбирали то, что им казалось лучше и толковее, что выбирая эти наилучшие Евангелия, церкви, по пословице «не выберешь дубинки без кривинки», должны были захватить в том, что они вырезали из всей огромной литературы о Христе, и много кривинки; что много есть мест в канонических Евангелиях столько же плохих как и в отвергнутых апокрифических. После 1800-летнего существования этих книг, они лежат пред нами в том же грубом, нескладном, исполненном бессмыслиц, противоречий, виде, в каком они были»⁴⁰. Отсюда у Толстого прямой вывод: «Читатель должен помнить, что не только не предосудительно откидывать из Евангелий ненужные места, освещать одни другими, но, напротив того, предосудительно и безбожно не делать этого, а считать известное число стихов и букв священными»⁴¹.

Не очевидно ли, что лишь только Толстой задумался над тем фактом, что Христос ничего не писал, он с некоторой необходимостью пришел к оправданию полного извращения даже евангельского текста. В самом деле, если допустить, что следует откидывать из Евангелия ненужные места, то разве не открывается тем самым полный простор для всякого произвола? Что нужно и что ненужно? Кто это будет определять? Очевидно, каждый по собственному вкусу.

Ведь у самого же Толстого ненужными оказались и евангельские блаженства, где убажуются кроткие, милостивые, чистые сердцем, – потому что они де «не в своем месте и вставлены случайно»⁴². Вкусы у людей весьма различны и если личным вкусом будет определяться, что оставить в Евангелии и что откинуть, то, очевидно, евангелий будет ровно столько же, сколько отдельных людей подойдут к Евангелию помимо Церкви. Вместо определенного Христова учения, очевидно, получится хаос и сумбур отдельных мнений.

Еретик второго века Маркион доверял только апостолу Павлу, утверждая, что лишь он точно и правильно понял Христово учение и сохранил его в чистоте, а прочие апостолы – *pseudoapostoli et judaici evangelizatores*⁴³, т. е. лжеапостолы, потому что в Христово учение внесли элементы иудейства. А у нашего Толстого ап. Павел попал в «основатели

христианского Талмуда», потому что он, «не поняв хорошенько учения Христа», внес в христианство учение о предании, и этот-то принцип предания был главной причиной извращения христианского учения и непонимания его ⁴⁴.

Кого слушать – неизвестно. Ясно, кажется, только одно, что, оставшись с Писанием наедине, человек скоро поставит себя выше апостолов, начнет их «поправлять» и создаст такое Христово учение, какого только пожелает его собственное воображение. Нет Церкви, – не будет и Писания. Останутся книги Писания, слова и буквы, но смысл в них каждый будет вкладывать свой. Если же слова и буквы будут мешать, можно и их несколько «поправить». И все это потому что Христос Сам ничего не писал и Его учение мы имеем лишь в чужой передаче, которую разум всегда может заподозрить в точности и достоверности.

Раздумывая над тем фактом, что Христос ничего не писал, я бываю нередко готов признать здесь некоторую особую провиденциальность. Благодаря этому именно факту, нецерковное отношение к Священному Писанию может быть доведено последовательно до абсурда. Это уже фактически сделано рационализмом, который, стоя на почве протестантизма, показал, что ничто не мешает совершенно исказить Евангелие и заменить его своим собственным изобретением.

Мало того. Предоставленный самому себе рассудок не остановится пред уничтожением и самих книг Священного Писания. В самом деле, на чем покоится признание тех или других книг Священным Писанием и подлинно апостольским произведением? Ответ на эти вопросы может быть только один: наше признание тех или других книг Священным Писанием и подлинно апостольским произведением покоится *исключительно на вере в Церковь* и на доверии церковному авторитету. Книги Священного Писания написаны апостолами и преданы на хранение Церкви.

Апостолы, особенно ап. Павел, давали даже особые доказательства подлинности своих посланий, снабжая их своими собственноручными подписями. Хранительницей подлинных посланий и вообще произведений апостольских была Церковь. Она одна могла судить об апостольском достоинстве своего достояния. Церковь, наконец, и выразила в своих определениях свое учение о составе Священного Писания. Потому и обязательно для нас признание Новым Заветом именно известных 27-ми книг, что эти книги в качестве Нового Завета признаны Церковью. Блаж. Августин говорил: «Ego vero Evangelio non crederem, nisi me catholicae Ecclesiae commoverat auctoritas» ⁴⁵. Т.е. «Я не веровал бы Евангелию, если

бы не побуждал меня к тому авторитет католической Церкви». В этих словах Августина выражена великая истина. Если нет Церкви, то нет и Священного Писания.

Протестанты и сектанты, по-видимому, признают и почитают Священное Писание, но это признание разве не висит у них в воздухе? Пусть-ка протестанты или сектанты до конца искренно продумают вопрос: да почему эти именно книги признаем мы Священным Писанием? Сослаться на свое личное мнение, это значит отказаться от разумного ответа. На науку сослаться тоже нельзя. Вопрос о происхождении и подлинности книг Священного Писания много обсуждается в науке. Научная литература растет уже целые столетия. Написаны груды книг. Но ведь положительных результатов нет. Нет таких результатов, которые обязывали бы всех с ними согласиться.

Как может протестант сослаться на свою «беспристрастную» науку, если в ней идет безнадежный спор даже о подлинности евангелий, особенно евангелия Иоанна! Пусть решит протестант вопрос о подлинности пастырских посланий ап. Павла! Но ведь на этот вопрос ему представители протестантской науки ответят все по-разному. Ученые консервативного направления признают их за подлинны произведения ап. Павла. Другие скажут, что лишь в основе их лежат подлинны послания Павла; в настоящем же своем виде они ему принадлежать не могут; в них есть позднейшие добавления. Третьи объявляют пастырские послания целиком позднейшей подделкой да еще тенденциозной; они де написаны для оправдания вновь создавшегося иерархического строя и около середины второго века, а имя ап. Павла лишь ложно надписано. Кого слушать? Почему того ученого, а не иного?

Многие ли способны взвесить самостоятельно тяжесть противоречивой аргументации? Да и многие ли вообще способны входить в тонкости научного исследования? Нет общего авторитета и неизвестно, кого слушать. Слушать же всех вместе невозможно, потому что один – в лес, другой – по дрова, один рвется в облака, другой пятится назад, а третий тянет в воду. Сомнение в подлинности книг св. Писания возникло вместе с самим протестантизмом. Ведь уж Лютер отвергал Послание Иакова, называя его почему-то соломенным посланием. А последователи Лютера пошли несравненно дальше. Необходимо, поэтому, признать, что *понятие обязательного канона Священного Писания есть понятие исключительно церковное, совершенно немыслимое вне Церкви. Это полное непонимание дела, если сектанты хотят говорить о канонических и неканонических книгах Священного Писания.*

Протестанты немало занимаются историей новозаветного канона, но ведь эта история совершенно убийственна для понятия канонического вне Церкви. Она показывает, что канон не всегда и не во всех церквях был один и тот же. Прошло несколько веков, прежде чем канон был закреплен соборными определениями. Для нас здесь нет ничего соблазнительного, потому что мы веруем в Церковь и определения Церкви для нас одинаково священны, принадлежат ли они второму, четвертому, двадцатому векам. Не то для протестантов и прочих отвергающих истину Церкви.

Для них история новозаветного канона колеблет самое понятие канонического. Этого не скрывают более последовательные протестанты. Адольф Юлихер, например, заключает свой очерк истории новозаветного канона весьма характерной фразой.

«Беспорный факт постепенного и человеческого Происхождения новозаветного канона служит тому, чтобы освободить нас от опасности, что этот канон может из опоры сделаться гнетущим игом»⁴⁶.

Можно сказать что на протестантской бирже акций ценность Священного Писания весьма неустойчивая, никогда, впрочем, не поднимающаяся до своей номинальной стоимости. Этой ценности всегда грозит совершенно внезапное понижение. Вдруг какой ученый на время докажет неподлинность какой-нибудь новозаветной книги.

Ведь когда господствовала тюрингенская школа Баура, от всего Нового Завета оставалось лишь 4–5 посланий ап. Павла. В настоящее время виднейшие ученые склоняются к признанию подлинности большинства книг новозаветных. Но вдруг откроют где-нибудь в Египте какой-либо папирус, который иначе осветит эпоху, и вот ценность Священного Писания у протестантов стремительно полетит вниз.

Принцип внецерковного отношения к Священному Писанию уничтожает ценность самого Писания. Все отступники от Церкви, протестанты, сектанты всех родов, совершенно напрасно говорят о своем почтении к Писанию. Эти их речи – одно недоразумение и даже порою лицемерие. Разве это не характерно, что вся отрицательная, а часто и богохульная критика Писания идет от протестантов, в учении которых Писанием заменена Церковь, для которых Писание – все?

Выше я сказал, что для протестанта Писание – фетиш, истукан, бездушный идол. Думается мне, идолопоклонник все же чувствует, что идола он сам сделал. О наших диких инородцах рассказывают, что после удачной охоты они всячески ублаговворяют своих идолов, мажут им губы салом убитого зверя, кладут в рот лучшие куски мяса. Но неудачна была охота, – того же идола начинают сечь. Так обращаются со Священным

Писанием все, кто подходит к нему в отрешенности от Церкви. Пока Писание им не противоречит, их не обличает, – они его превозносят. В противном же случае они начинают своего идола безжалостно сечь, разрывают Писание на части, одни считают подложными, другие – ненужными.

Св. Ириней Лионский Писание называет райским деревом, насажденным в Церкви, но для того, кто из рая изгнан, это дерево может быть только деревом познания добра и зла, и после этого познания он может убедиться лишь в той печальной истине, что он наг. Давно, давно пора всем противникам Церкви убедиться в этой своей позорной наготе и просить у Церкви прощения, как блудный сын просил прощения у своего отца! Ведь нелепое отделение Писания от Церкви дало уже свой смертоносный плод. Ведь находятся из протестантов люди, которые утверждают, учат и проповедуют, что Христа никогда не было и на свете, что вся евангельская история – один миф. Без Церкви нет ни Писания, ни Христа, потому что Церковь – тело Христово.

Таким образом, и с отрицательной стороны утверждается истина неразрывной связи между Церковью и Священным Писанием. Внецерковное отношение к Писанию неизбежно приводит к абсурду и к потере самого Священного Писания.

Без Церкви, во-первых, нет никакой опоры при толковании Священного Писания и не Писание учит человека, а наоборот, человек навязывает Писанию содержание, какое угодно.

Без Церкви, во-вторых, будет потерян всякий определенный путь ко Христу и Его учению, потому что Христос Сам ничего не писал, апостолов же можно заподозрить в том, что учение Христово передано ими неточно.

Без Церкви, в-третьих, не имеет никакого значения канон Священных книг и все протестанты и сектанты на вопрос: почему каноничны эти именно книги? – могут остаться только безответными или принуждены будут прибегать к постыдным «словесам лукавствия».

Общее заключение всех наших предыдущих рассуждений таково.

Священное Писание есть неприкосновенная и неотчуждаемая собственность Церкви, как одно из проявлений ее благодатной жизни. Вне Церкви Священного Писания и нет, и быть не может. Не может быть вне Церкви Слова Божия; живого и действенного, потому что нет вне Церкви благодати св. Духа. Не может быть без Церкви Священного Писания и как определенного письменного памятника, потому что не останется никакого надежного руководства для правильного понимания Писания и ничто не может ручаться за его подлинность и каноническое достоинство. Отметим

еще, что, утверждая тезис: вне Церкви нет Священного Писания – мы повторяем истину, которую церковные писатели проповедывали еще во втором веке. Св. Иринеи Лионский говорил, что только в Церкви неподдельное соблюдение Писания, без прибавления и убавления, и чтение Писания без искажения ⁴⁷.

По мнению Тертуллиана, рассуждать должно о том, кому принадлежат Писания ⁴⁸. Кому они не принадлежат, того к ним и допускать не следует ⁴⁹. Писания принадлежат Церкви; еретики же не христиане и не имеют никакого права на христианские Писания ⁵⁰. Еретики Церковь может спросить: кто вы такие? Вы не мои, что же у меня делаете? Это мое владение. Я владею издавна. Я имею основание от самих авторов, которым принадлежит Писание. Я наследница апостолов. Вас, конечно, навсегда они лишили наследства и отвергли, как чужих, как врагов ⁵¹.

Истина, которую мы старались обосновать, не новая, но ее следует повторять и в двадцатом веке, потому, что теперь эта истина, хотя и оправдана многократно историей, нередко забывается.

Примечания

- ¹ - На ариан слово I, 1.
- ² - Св. Иринеи Лионский. Сочинения в переводе прот. П. Преображенского. Против ересей. IV, 9, 3. СПб., 1900, стр. 338.
- ³ - Там же, IV, 34, 1. Стр. 414.
- ⁴ - Творения. Панарий 31, 33. Ч. 1. М., 1863, стр. 344.
- ⁵ - Св. Иринеи Лионский. Сочинения. Против ересей. IV, 34, 1. Стр. 414.
- ⁶ - Служба на Рождество Христово. Стихира на литии.
- ⁷ - Св. Иринеи Лионский. Сочинения. Против ересей. III, 10, 2. Стр. 240.
- ⁸ - Там же. III, 4, 2. Стр. 225.
- ⁹ - Там же. V, 20, 2. Стр. 488.
- ¹⁰ - См. Творения. Беседу о том, что чтение св. Писаний полезно. Изд. СПб. Духовной Академии. Т. 3, стр. 74.
- ¹¹ - Творения. На Мф. беседа I. 1. Изд. СПб. Духовной Академии. Т. 7, стр. 5–6.
- ¹² - Творения. Книга III, писание 106. Ч. 2. М., 1860, стр. 158–160.
- ¹³ - Творения иже во святых отца нашего Исаака Сириянина. Слова подвижнические. Слово 58. Изд. 3. Сергиев Посад, 1911. Стр. 314.
- ¹⁴ - Об этом см. подробнее у Владимира Троицкого. Христианство или Церковь?. Изд. 2. Сергиев Посад, 1912.
- ¹⁵ - Женева, 1890, стр. 14–15.
- ¹⁶ - Творения. Об единстве Церкви. Гл. 10. Изд. 2. Киев, 1891. Ч. 2. стр. 184.
- ¹⁷ - Творения. Письмо 47 к Карнелию. Ч. 1, стр. 256.
- ¹⁸ - De praescriptione, cap. 17. Migne, PL., t. 2, col. 35 A-B.
- ¹⁹ - De praescriptione, cap. 19. PL., t. 2, col. 36 A.
- ²⁰ - Напоминания. I, 26. Перевод доцента П. Пономарева. Казань, 1904, стр. 48.
- ²¹ - Проф. А.И. Введенский. Власть над умами так называемой «философской ответственности»). «Христианин». 1908. Т. 3, стр. 786.
- ²² - Nouveaux essais. Ed. Erdmann. Berolini, 1840, p. 214.
- ²³ - В мире неясного и нерешенного. Изд. 2. СПб, 1904, стр. 53.

- 24 - Газета «Россия» от 12 июня 1909 года.
- 25 - Напоминания. 1, 2. стр. 3.
- 26 - Напоминания. 1, 25–27. стр. 45–49.
- 27 - Св. Иринеи Лионский. Сочинения. Против ересей. III, 24, 2. Стр. 313.
- 28 - Stromaty VII, 16, 94, 4. Migne, PG., t. 9, col. 533 A.
- 29 - Св. Иринеи Лионский. Сочинения. Против ересей. III, 1, 1. Стр. 220.
- 30 - Там же, III, 2, 2. Стр. 221.
- 31 - De praescr. Cap. 4. Migne, PL., t. 2, col. 18 B.
- 32 - Св. Иринеи Лионский. Сочинения. Против ересей. I, 9, 3. Стр. 48.
- 33 - Tertull. De praescr. Capp. 15. 39. Migne, PL., t. 2, col. 33 A. 65 A.
- 34 - Епифаний Кипрский. Творения. Анафаны, 33,7. Т. 1, стр. 374.
- 35 - Excerpta ex scriptis Theodoti 66. Migne, PG., t. 9, col. 689 C.
- 36 - Св. Иринеи Лионский. Сочинения. Против ересей. II, 27, 2. Стр. 189.
- 37 - De praescr. cap 17. Migne, PL., t. 2, col. 35 A.
- 38 - Подробнее: Владимир Троицкий. Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету. Сергиев Посад, 1911. (равно «Богословский Вестник». 1911, т. 2, стр. 493 слл.). Его же, Очерки из истории догмата о Церкви. Сергиев Посад, 1912, стр. 115–132.
- 39 - Там же. стр. 7–8.
- 40 - Соединение и перевод четырех Евангелий. Т. 1 . Женева, 1892. стр. 10
- 41 - Краткое изложение Евангелия, стр. 9.
- 42 - Соединение и перевод четырех евангелий, стр. 192.
- 43 - Tertull. Adv. Marc. V, 19.
- 44 - Краткое изложение Евангелия, стр. 12
- 45 - Contra epist. Manichaei, cap. 5, 6, Migne, PL., t. 42, col. 176
- 46 - Einleitung in das Neue Testament. Tubingenn 1906. S. 517.
- 47 - Св. Иринеи Лионский. Сочинения. Против ересей. IV, 33, 8. Стр. 409.
- 48 - De praescr. Cap. 19. Migne, PL., t. 2, col. 36 A.
- 49 - De praescr. Cap. 15. Migne, PL., t. 2, col. 33 B-34 A.
- 50 - De praescr. Cap. 37. Migne, PL., t. 2, col. 61 B.

⁵¹ - De praescr. Cap. 37. Migne, PL., t. 2, col. 61 B-C.

Содержание

Священномученик Иларион (Троицкий) Священное Писание и Церковь священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский	1
Примечания	31